

Нынешняя публикация эпистолярного наследия объединяет два больших имени. Оба хорошо известны и принадлежат истории русской эмиграции. Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1883–1964) — сибирский классик, писатель, родом с Алтая; его корреспондент — знаменитый авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский (1889–1972), он представляет мировую науку. наших соотечественников на протяжении всей жизни связывали крепкие узы дружбы.

Они познакомились в Нью-Йорке на публичной лекции Сикорского о воздухоплавании. Скорее всего, это был 1929 год. По воспоминаниям супруги изобретателя, Елизаветы Алексеевны, Гребенщиков подошел к лектору и представился. Выяснилось, что живут они в штате Коннектикут недалеко друг от друга. Георгий Дмитриевич обосновался в Саутбери (75 миль от Нью-Йорка), по соседству с имением графа Ильи Толстого

(сына Льва Толстого), а Сикорские — в небольшом городке Бриджпорт. Там располагалась авиационная корпорация. Вскоре Игорь Иванович присоединился к новому другу, выстроив в диком лесу небольшую летнюю дачу для своей семьи. Этим строительством положено начало поселению эмигрантов. Впоследствии оно получило название — русская деревня Чураевка. Так решили почитатели творчества Гребенщикова.

Сикорский стал вдохновителем многих начинаний в Чураевке. Именно благодаря его поддержке удалось обустроить типографию и книжное издательство «Алатас». Издательство работало в Нью-Йорке при музее Рериха с мая 1924 года под руководством Гребенщикова. За пару лет были изданы книги Алексея Ремизова, Николая Рериха и самого Георгия Дмитриевича. Благодаря музейному ресурсу удалось начать выпуск новых томов знаменитой эпопеи «Чураевы». Роман получил большую известность еще в Париже, где вышел первый том эпопеи «Братья» (1922). Когда Гребенщикова в 1927-м решил окончательно перебраться из Нью-Йорка на берега рек Хусатоник и Помпераг, подальше от шумного города, то он перебазировал туда и свое издательство, которое выкупил у музея.

Игорь Сикорский выступил как меценат, выделил благотворительную ссуду для приобретения линотипа, прессов и прочей техники. Первым изданием, напечатанным на собственном типографском оборудовании, стал большой труд его отца, киевского профессора И. А. Сикорского под названием «Книга жизни» (688 страниц, крупным форматом). Летом 1933 года друзья стали совладельцами типографии, поскольку Гребенщикоу справиться в одиночку с предприятием, требующим постоянных финансовых вливаний, было просто невозможно.

Дружба со временем превратилась в широкое сотрудничество на литературном поприще. Сикорский высоко оценил эпохальное произведение Гребенщикова «Чураевы», считая его по замыслу равным романам Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Он же настоятельно потребовал, чтобы была опубликована сказка в стихах «Златоглав», рукопись которой несколько лет пролежала в столе писателя без всякого движения. Даже частично оплатил расходы по изданию книги, а когда она вышла в феврале 1939-го, то держал парадную речь на вечере, посвященном выходу «Златоглава» в свет. Это эпи-

Георгий Гребеницкий и Игорь Сикорский

ческое произведение посвящено идее возрождения монархии и мечтам о царской власти в России. Та власть, которую примет светлый вождь, разделивший с народом все беды и чаяния ради будущего. Гребеницкий и Сикорский были убежденными монархистами.

После поездки Сикорского в 1938 году на Афон, где его тепло принимали старцы русского Пантелеймонова монастыря, он погружается в мир православной веры и начинает сочинять труды на религиозно-философскую тему. Из-под его пера выходит несколько работ: «Размышления о молитве Господней», «Незримая брань», «Эволюция души». Жизнь как бы разделена на две части: днем — конструирование самолетов, вечером, после рабочего дня — занятие богословием. Елизавета Алексеевна в письме, адресованном Гребеницким, сообщает о муже: «Игорь Иванович здоров, энергичен и опять пишет новую книгу по религиозной философии» (21.12.1947). Работа «Эволюция души» (1949) ставит во главу мирового развития проблему появления лидера, причем такой лидер, как считает автор, связан со зрелой стадией организации общества. Станет ли мир единым или он погрузится в небытие — вот вопрос, который волнует ученого.

В начале 1950-х годов наступает эпоха атомных бомб и холодной войны. И в этой связи выдвигается насущная необходимость самоорганизации общественной, планетарной жизни. Токи мировых событий возвращают Сикорского и Гребенщикова к идее вождя, помазанника божия. В тот год, когда умер Сталин, друзья вспоминают о русском царе Николае Втором. Это не случайно, ибо мегафон пространства доносит волны надвигающихся событий. Карибский кризис, освобождение колоний, развал стран коммунистического лагеря, а быть может, и столкновение цивилизаций. Не столь важно, произошли эти события через десять лет или произойдут через сто. Но предчувствие катастрофы у настоящих творцов неизбежно обостряет чувства.

Публикуемые письма Гребенщикова и Сикорского относятся именно к 1953 году. В целом переписка достаточно объемна, она выходит за рамки журнальной публикации и по приблизительным оценкам составляет более двухсот единиц. Не все еще собрано воедино, часть документов находится в зарубежных архивах. Нынешняя публикация имеет целью дать максимально письма за один год, чтобы осветить глубину проблемы, связанной с ролью исторической личности. В своих суждениях авторы делают акцент не только на императоре Николае Романове, но и на выдающемся реформаторе Петре Столыпине. В противовес крупным фигурам выведены временные, мимолетные деятели, предпочитавшие личные амбиции стремлению сделать Россию великой державой.

Все-таки главной фигурой в переписке является российский Государь. Между друзьями эмоционально обсуждается книга «Исповедь бывшего царя», опубликованная в 1918 в Нью-Йорке якобы на основе дневников Николая II. Эта тема взволновала обоих. Георгия Гребенщикова — в связи с работой над восьмым томом эпопеи, названном «Пляска во Пламени» (он так и не был напечатан из-за болезни писателя). Игорь Сикорский попытался взвесить на весах истории судьбу отечества. Одно из его писем написано от руки на 25 страницах. «Исповедь царя» как документальный источник до конца не разгадана, и дело вовсе не в книге, а в покаянии всего народа, который украшает мучеников святостью. Переписка — еще одна неизвестная страница русской культуры, освещающая трагедию императора и его семьи. Летом 2018 года

минуло сто лет, как прогремели выстрелы в подвале Ипатьевского дома. Кажется, шум этих выстрелов до сих пор сотрясает воздух.

Публикуемые документы хранятся в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая (Барнаул) в архивном фонде Г.Д. Гребенщикова. За редким исключением Сикорский писал Гребенщикову на английском языке. Этого требовали условия государственной безопасности. Такую корреспонденцию было легче контролировать, она не вызывала ненужных подозрений, ибо работа шла на передовом фронте научных достижений. Оригиналы писем переданы в Россию сыном изобретателя, Игорем Игоревичем Сикорским.

Владимир Росов

1. Сикорский — Гребенщикову

6 января 1953

Дорогой доктор Гребенщиков,

Прими, пожалуйста, мою искреннюю благодарность за твое недавнее любезное письмо, а также за то, которое ты послал нам, уезжая на юг¹. Хотел поблагодарить тебя ранее, но до настоящего момента не удалось.

Периодически я проезжаю через Чураевку² и восхищаюсь твоим новым домом и его отличным расположением³. Я осознаю объем работы и средств, вложенных в него, но уверен, что твое нынешнее место жительства неизмеримо красивее, и твой дом поистине прекрасен!

Выборы Эйзенхауэра⁴ и республиканцев в администрацию <президента> стали настоящим источником успокоения для меня и всей моей семьи. К сожалению, огромный вред, нанесенный предыдущей администрацией, невозможно исправить никакими человеческими усилиями. Следовательно, нашему новому президенту понадобится добрая воля людей, их молитвы и помощь Божия, чтобы направить дела нашей страны и, до некоторой степени, всего человечества по мирному руслу, если это хоть сколько-нибудь возможно. Однако я надеюсь, что мир не будет куплен при помощи принудительной сделки, подразумевающей переда-

чу китайских заключенных обратно коммунистам. Такая акция получит широкую поддержку коммунистического правительства и, несомненно, усилит бойцовский дух Красных армий, а значит, укрепит дерзость этих армий и коммунистического правительства, увеличив шансы глобальной войны.

Наша работа продолжается как обычно. Мы сейчас строим больше одного вертолета в день. Это является более высоким показателем производительности, чем было когда-либо у нашей компании за четверть века ее существования. Недавно я испытал огромную радость, когда узнал, что вертолеты спасли свыше десяти тысяч жизней в Корее, тысячи жизней на Аляске и значительное количество в других местах.

На данный момент мы вполне довольны нашим новым домом, хотя остается еще много работы, чтобы довести его до ума. Шлю тебе и госпоже Гребенщиковой⁵ самые лучшие пожелания в Новом году.

Искренне, И. И. Сикорский

Публикуется по авторизованной машинописи (AM), 1 л. — Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА), Барнаул. На бланке «Sikorsky Aircraft. Bridgeport, Connecticut». Перевод с английского языка **Ольги Кудзоевой** (здесь и далее).

1. Под «югом» И. И. Сикорский подразумевает штат Флориду, где Г. Д. Гребенщиков имел кафедру профессора в Южном колледже Флориды (город Лейкленд) и преподавал русский язык, литературу и историю.

2. Гребенщиков в 1926 поселился в Саутбери (Southbury), штат Коннектикут, примерно в 75 милях от Нью-Йорка. Он купил землю у Ильи Толстого, сына Л. Н. Толстого, и выстроил дом, а затем и часовню святого Сергия Радонежского. К началу 1930-х в Саутбери возникло поселение эмигрантов, названное русской деревней Чураевкой.

3. Жилой дом Гребенщикова в Саутбери, первоначально расположенный вблизи проезжей части, был перенесен в глубь леса, на пригорок, в связи со строительством национальной трассы. После Второй мировой войны правительство США приступило к реализации большого проекта по строительству в стране сети дорог.

4. Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид (Eisenhower, Dwight David) (1890–1969) — американский государственный и военный деятель, 34-й президент США (1953–1961).

5. Гребенщикова, Татьяна Денисовна (в девичестве Стадник, по первому мужу Давыдова) (1892/93–1964), вторая жена писателя Г. Д. Гребенщикова (1917). Родилась

в Тифлисе в семье военного. Получила образование в частной гимназии в Харбине. До начала Первой мировой войны работала в компании «Зингер» в Хабаровске. Во время войны состояла на службе в Управлении уполномоченного Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам при XI армии в качестве помощницы делопроизводителя и машинистки (1917–1918). В 1920 вместе с мужем эмигрировала в Константинополь, в 1921 — в Париж, в 1924 — в Нью-Йорк. Помогала вести дела книгоиздательства «Алатас». В 1940 и 1950-е преподавала в Южном колледже Флориды (Lakeland) основы типографского дела и возглавляла типографию «Dixie Press».

2. Гребенщиков — Сикорскому

10 января 1953

Дорогой Игорь Иванович,

Твое письмо влило в меня новые соки. Во-первых, я послал тебе и Елизавете Алексеевне¹ для прочтения свой рассказ в «Новой заре»². Очень хочу, чтобы ты его прочел и коротенько выразил свое мнение.

Во-вторых, я только что закончил о периоде своего детства книгу под заглавием «Егоркина жизнь»³. Герой мой пишется в третьем лице, и ты будешь, надеюсь, удовлетворен подходом к сюжету. Народ мой там основной герой, и вышел он весьма красочен, масса картин быта и жизни, калейдоскоп событий. Егорка еще просто сопляк и болтается как нечто самое обыденное, но картина народной жизни вышла с большим подъемом, бодростью и освещена простой житейской философией, вернее, верой в труд на земле и, конечно, в Бога — Жизнедавца. Часть глав уже принята Мельгуновым⁴ для парижского «Возрождения»⁵, часть послана в парижскую «Русскую мысль»⁶, часть, две первые главы, М. М. Карповичу⁷ для «Нового журнала»⁸, а часть разделю между двумя сан-францисскими газетами. Издательство имени Чехова⁹ как будто заинтересовано, но будущий, то есть этот год, у них уже заполнен. Поэтому я хочу использовать этот срок и сам переписать книгу по-английски. Заинтересован в ней Джон Дэй К^{o10}, т.е. мистер Волш¹¹, муж Перл Бак¹². Не уверен, примет ли, но буду работать.

А теперь, получивши твое письмо и в нем справку о количестве спасенных вертолетом, я хочу написать о тебе короткую статью

под заглавием «Мой любимый герой». Ты знаешь, что у меня собрано о тебе материалов на большую книгу, но когда я смогу ее написать, а главное, издать, — неизвестно, а вот статью напишу по влечению сердца и пошлю ее... Вот не знаю, куда: не лучше ли в парижскую «Русскую мысль»? И нет ли у тебя газеты, издающейся в Мюнхене, называемой «Русская идея»¹³? Что это такое, никогда не видел.

Прилагая письмо Бориса Солоневича¹⁴, прошу, не откажи, черкни: что должен я ему ответить? Дал ли бы ты сам ему такой отзыв? Я его совсем мало знаю. Мне это очень важно, потому что и отказывать неудобно, и брать на себя ответственность — надо твердо знать — не попасть бы впросак.

Заранее благодарю тебя за все и прошу принять и передать от меня и Татьяны¹⁵ самые сердечные приветы тебе и Елизавете Алексеевне.

*Всем сердцем с тобою
Георгий Гребенщиков*

P. S. Твой отзыв о нашем Чураевском доме нас очень подбодрил. Хоть он и не закончен, но ведь на нем нет ни одной копейки долга, а здешний дом через два месяца тоже будет полностью оплачен. Значит, какую-то сделаем финансовую комбинацию. И Чураевское «именье» закончим для души и во славу преподобного Сергия. Он-то нас в Чураевку и переселит. Трудно с типографией, но что-нибудь сообразим. Не хочется лишаться печатного станка.

Публикуется по АМ, P. S. — автограф, 1 л. — ГМИЛИКА.

1. Сикорская, Елизавета Алексеевна (урожденная Семёнова, 1903-1995) — жена авиаконструктора И. И. Сикорского.

2. Газета русской эмиграции «Новая заря» (Сан-Франциско, 1928-1972), издатель — Г. Т. Сухов, редактор — П. П. Васильев. Гребенщиков публиковался на страницах газеты фактически со времени ее основания до второй половины 1950-х.

3. Работа над рукописью «Егоркина жизнь» была закончена в январе 1953, однако сама книга вышла после смерти писателя: Георгий Гребенщиков. Егоркина жизнь. Автобиографическая повесть. Southbury: Славянская типография, 1966. — 350 с.

4. Мельгунов, Сергей Петрович (1879/80-1956) — русский историк и политический деятель, участник антибольшевистской борьбы. Исторические исследования посвящены русской революции и Гражданской войне. В 1922 советским правитель-

ством был выслан за рубеж, жил в эмиграции в Берлине, Праге и с 1926 — в Париже.

5. Газета русской эмиграции «Возрождение» (Париж, 1925-1940), издатель — А.О. Гукасов; редактор — П.Б. Струве, с 1927 — Ю.Ф. Семёнов.

6. Газета русской эмиграции «Русская мысль» (Париж, 1947-2008), начала выходить во Франции после Второй мировой войны. Редакторы: Зинаида Шаховская, Ирина Иловайская-Альберти, Ирина Кривова, Андрей Гульцев.

7. Карпович, Михаил Михайлович (1888–1959) — русский и американский историк, один из основателей американской русистики. Редактор нью-йоркского «Нового журнала».

8. Русское эмигрантское издание «Новый журнал», основан в 1942 в Нью-Йорке писателем М.А. Алдановым и поэтом и меценатом М.О. Цетлиным. Журнал издается по настоящее время.

9. Издательство имени Чехова (1952–1956) основано в Нью-Йорке дипломатом и советологом Джорджем Кеннаном. Публиковало на русском языке литературные, исторические и мемуарные произведения. За время существования опубликовано 178 книг (129 авторов). Гребенщиков вел переговоры с издательством о публикации повести «Егоркина жизнь», но издание книги не состоялось.

10. Компания «John Day Company» — издательская фирма в Нью-Йорке, которая специализировалась на иллюстрированной художественной литературе, книгах и брошюрах (с 1926 по 1968). Она была основана Ричардом Уолшем в 1926 и названа в честь Джона Дея, английского печатника времени королевы Елизаветы. В 1974 компания была продана Томасу Кроуэлу (Thomas Crowell).

11. Уолш, Ричард Джон (Walsh, Richard John) (1886–1960) — основатель и редактор собственной издательской компании в Нью-Йорке, второй муж писательницы Перл Бак.

12. Бак, Перл (Buck, Pearl Sydenstricker) (1892–1973) — американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе. Дочь миссионера, провела детство и юность в Китае. Произведения посвящены описанию жизни китайских крестьян. В 1935 писательница развелась с первым мужем и вышла замуж за Ричарда Уолша. Гребенщиков состоял с Перл Бак в дружеских отношениях, писательница неоднократно бывала у него в гостях в русской деревне.

13. Эмигрантская газета «Русская идея» (1952–1953) издавалась в Мюнхене (ФРГ).

14. Солоневич, Борис Лукьянович (1898–1989) — русский писатель и общественный деятель, участник скаутского движения, спортсмен-универсал. В 1926 был арестован, в 1934 бежал из Исправительно-трудового лагеря в Финляндию. В эмиграции жил в Болгарии, Германии. В Бельгии с 1950 издавал журнал «Родина», затем переехал в Нью-Йорк, где продолжил выпуск журнала (до 1978).

15. См. прим. 3 к п. 1

3. Сикорский — Гребенщикову

22 января 1953

Дорогой доктор Гребенщиков,

Пожалуйста, прими мою искреннюю благодарность за твое доброе письмо от 10 января. Мы с большим интересом прочли твой замечательный рассказ в газете.

Возвращаю письмо, полученное тобой от Бориса Солоневича; я получил такое же. Сомневаюсь, будет ли правильным рассылать письма в подобном духе, как он предлагает, и я не уверен, что ему это поможет. Денежные сборы среди американцев при таких условиях слишком затруднительны, и, как бы там ни было, только личный подход даст результаты, а циркуляция писем вряд ли даст результат. Я был бы рад помочь доктору Солоневичу, и вообще считаю, что его дело правое, но нужно найти другой подход. Возможно, было бы правильно обнародовать адресованные ему личные письма как доказательство солидарности с его целями.

Как же мило с твоей стороны предложить написать статью о людях, спасенных нашими вертолетами. Позволь мне тщательно обдумать этот вопрос, прежде чем высказывать какие-либо предложения. Лично я бы предпочел, чтобы все подобного рода вещи публиковались после того как я совершу долгое путешествие в «неизведанное», откуда нет обратного билета. Это продиктовано рядом соображений, включая тот факт, что после выхода любой рекламы в русскоязычных изданиях меня заваливают письмами с просьбами о финансовой помощи, а затем приходят довольно мерзкие письма, если запрашиваемая помощь оказана не была. Конечно, это не важно. И все же, я благодарен тебе за такое славное предложение. Возможно, интересной будет статья, делающая акцент на вертолетах, не заостряя внимания на мне. И я действительно был бы рад предоставить материалы и фотографии для такой статьи.

Шлю тебе и госпоже Гребенщиковой свои самые добрые пожелания.

Искренне, И. И. Сикорский

4. Гребенщиков — Сикорскому

8 февраля 1953

Дорогой Игорь Иванович,

Письмо твое я получил в госпитале, куда меня отвезли на амбулансе¹, с сиреной, шикарно, как настоящего почетного гостя в городе, которому должны поднести ключи от городских ворот... Случилось это в субботу 17 января. В тот полдень я закончил свою книгу «Егоркина жизнь» — нечто новое в моей жизни, и так как долго не работал в саду, вышел и первое, что должен был сделать, — убрать огромную ветку старого дуба, которая грозила упасть на крышу соседа и сделать мне и ему вред. Но лестница моя, ее верхняя перекладинка, на самом верху обломилась, и я должен был прыгнуть с высоты 14 футов. И упал бы без вреда, если бы правая нога не угодила на ствол того самого сука, который я только что срубил. Радиоснимок показал, что берцовая кость расщепилась на пять кусков. Теперь я уже дома, но приговорен лежать в гипсе от трех до четырех месяцев. Конечно, боли в костях, бессонницы, нервы, но, в общем, я впервые в жизни лежу и отдыхаю, а вся тяжесть материальных и трудовых забот свалилась на Татьяну, что меня больше всего терзает. Начинаю приучать себя сидеть и писать на машинке. Лежа, много читаю, но глаза мои в этом отношении меня ограничивают. Философия: могло быть много хуже, а потому благодари Бога и жди, терпи...

Я отлично тебя понимаю в отношении моей статьи о тебе. Славы тебе я не прибавлю, а хлопот увеличу. Но побуждения мои были дать этим вечно ссорящимся русским людям что-либо и радостное: вот был у нас Ипатьев², есть Гречанинов³, есть Питирим Сорокин⁴, был Ростовцев⁵ и все пойдет: был, был, был, а уже и нету. Чтобы поберегли тех немногих, которые еще *есть*; мне и хотелось написать об этом, чтобы не обременяли, а пощадили бы, согрелись бы возле твоего воистину чистого и безупречного имени, пока ты еще здравствуешь. Но, уступая твоему желанию, снимаю с очереди это дело, а писать посмертную статью... хотелось бы, чтобы ты обо мне написал две строчки, но ты некрологов не пишешь, и я тебя от этого освобождаю. Но уйду я раньше тебя, это уж даже и законно, даже по календарю. Но так как я все-таки хотел бы тебе показать, что я не имел никаких корыстных целей в связи с моей о тебе

статьей, я, может быть, все-таки набросаю ее и пришлю тебе про-
честь. Однако теперь сам лежу и буду молиться Господу, чтобы нам
Он позволил еще повидаться и лично это выяснить.

Шлю тебе и дорогой Елизавете Алексеевне и всей семье самые
нежные сантименты, а также сердечный поклон от Татьяны Де-
нисовны.

*Твой неизменно преданный
Георгий Гребенщиков*

Публикуется по АМ, подпись — автограф, 1 л. — ГМИЛИКА. На бланке
«George D. Grebestchikoff. 632 Easton Drive, Lakeland, Florida».

1. Ambulance (англ.) — автомобиль скорой помощи.

2. Ипатьев, Владимир Николаевич (1867–1952) — русский и американский хи-
мик, генерал-лейтенант Русской Императорской армии, академик РАН и АН СССР.
Невозвращенец, в 1930 выехал в Германию, затем — в США. Один из основателей
нефтехимии, изобрел формулу высокооктанового бензина. Состоял в переписке
с Гребенщиковым.

3. Гречанинов, Александр Тихонович (1864–1956) — русский композитор; из-
вестен хоровыми религиозными произведениями и обработкой народных песен.
В 1925 эмигрировал из СССР, жил в Париже и Нью-Йорке. Поддерживал дружеские
отношения с Гребенщиковым.

4. Сорокин, Питирим Александрович (1889–1968) — русский и американский
социолог, культуролог и педагог; один из основоположников теории социальной
стратификации и социальной мобильности. Был выслан за границу из Петрограда
постановлением Коллегии ГПУ. Жил в Европе и США; основатель факультета социоло-
гии в Гарвардском университете.

5. Ростовцев, Михаил Иванович (1870–1952) — русский и американский исто-
рик античности. В эмиграции, с 1918 — Англия, с 1920 — США; профессор Йельско-
го университета. Поддерживал дружеские отношения с Гребенщиковым.

5. Гребенщиков — Сикорскому

Б. д. <9 ноября 1953>

Дорогой Игорь Иванович,

Посылаю тебе открытку, досланную мне из Чураевки (но по-
лученную из Германии), от какого-то изобретателя фон Бревер-

на¹. Я знаю, что тебя одолевают эти люди по всякому поводу, и хотел бы тебя избавить от такого рода пересылок, но во избежание более вредных последствий — приходится быть такого рода неприятным посредником. Поручи кому-либо из русских сотрудников ответить этому человеку *по-русски*, чтобы тебе самому не давать им драгоценных автографов. Впрочем, может быть, и отвечать не надо. Мое дело передать тебе эту «претензию».

Но главная цель моего письма следующая.

Я переживаю сейчас ужасное волнение, так что мое сердце ночами не дает мне спать, и вообще все идет через сердце, которому выпадает и страшная, и *спешная* работа, так как я побаиваюсь за это самое непослушное сердце, которое не может успокоиться, а в беспокойном виде не дает разумно мыслить.

Разрабатываю я сейчас уже давно написанный, но все время переделываемый очередной том эпопеи «Пляска во Пламени»² — значит навязшая у всех в зубах и всем очертевшая революция. Но как я смею выкинуть слово из столь основной *песни* нашего периода? Нужно дать хотя бы основные ее моменты и стержни, напитавшие самое Древо зла. Вопрос *об отречении* и, *затем*, о самом жутком злодеянии века сего — убийстве Государя и Его семьи. Щадя читателя и до минимума избегая самых неэстетичных мест, я не могу обойти и образа действий самого Государя, Его министров и *самого народа*. И вот тут я напоролся на жуткий материал — *Исповедь самого Государя*, изданную, конечно, его давними врагами здесь, в Нью-Йорке³, еще в 1918 году, когда «Исповедь» эта прошла уже через американские газеты и оттуда в *русском* переводе была напечатана с комментариями некоего анонимного И. П.

Когда я прочел этот документ, который не вызывает во мне никаких сомнений в его подлинности, я все же решил спросить тебя: *читал ли ты, в том или ином виде, эту царскую исповедь?* И если читал, то как ты объясняешь поведение Государя в последующие за отречением дни еще в Пскове? Если ты этой книжки не читал или у тебя ее нет под руками, я закажу ее, чтобы прислали прямо на твой адрес. На этом документе не только основывается один том моей работы, на нем зиждется вся моя Лю-

бовь или ненависть ко всей России. Это страшное признание, но это еще раз меня убеждает, что все мы несем ответственность за все ужасы в мире сейчас. Страшная роль России и ее руководящих слоев в последнем полувеке налагает на нас *обязанность* посмотреть в глаза Правде и увидеть в ней себя, как в зеркале, и признать, что народ наш всегда был *достойн своих правителей*. На нас оправдывается слово самого Христа: «Какою мерою мерите...» и «Несть власть аще не от Бога».

Положение мое более чем серьезное, и твое моральное соучастие в моей проблеме сейчас как никогда явится *решающим*. Играть мне с «Пламенем» непристойно, а я ввожу моих плясунов не в простой огонь, а в Пламя гнева Божия, и Пламя очистительное, и Пламя адское. Сложнейшее положение требует сложной структуры, но есть и опасность где-то художественно *слукавить*. Вот этого я боюсь, как соблазна для самого себя, и прошу тебя помочь мне развязать мой узел с пользой для истории, не только для угождения читателю.

Жду твоего ответа, если можно, по-русски.

Твой Георгий Гребенщиков

Сердечный привет тебе и Елизавете Алексеевне от меня и Татьяны, и всем в доме поклон.

Публикуется по АМ, приписка — автограф, 1 л. — ГМИЛИКА. На бланке «George D. Grebestchikoff. 632 Истон Драйв, Lakeland, Florida».

1. Фон Бреверн, Николай — барон; изобретатель. Точные сведения отсутствуют. В 1953 жил и работал в Германии, в городе Ингольштадт. Известен как религиозный деятель Русской православной церкви за границей; в 2005 — староста храма святого царя-мученика Николая I и всех новомучеников и исповедников российских в г. Вильмуассон-Сюр-Орж (Франция).

2. «Пляска во Пламени» — VIII том эпопеи Г.Д. Гребенщикова «Чураевы». Подготовлен к печати, но остался в типографских гранках и не был издан из-за болезни писателя.

3. Николай II Александрович (Имп.; 1868-1918). Исповедь бывшего царя/Николай Романов. — Bronx (N. Y.): Russian Publishing House, 1918. — 64 с.

6. Сикорский — Гребенщикову

12 ноября 1953

Дорогой доктор Гребенщиков,

Отвечаю на твое недавнее письмо с открыткой от господина фон Бреверна. Я тоже получил от него открытку и прилагаю копию моего ему ответа.

По какой-то причине я сейчас получаю гораздо больше писем, чем, наверное, когда-либо, и они накапливаются быстрее, чем я способен на них ответить. Подумываю о том, чтобы поместить в газете заметку, оповещающую, что вряд ли я смогу отвечать на письма, полученные от неизвестных корреспондентов.

Несомненно, я был бы рад помочь советом или предложениями в связи с твоей крайне важной работой, если мои предложения имеют какую-то ценность. Ты абсолютно прав, что истина должна приниматься бескомпромиссно, несмотря на то, приятно это или нет, и соответствует ли это нашим излюбленным взглядам или идет с ними вразрез.

Уверен, что уважение к правде, являющееся столь неотъемлемой частью твоих замечательных трудов, станет ключевым фактором, который принесет тебе почитание и известность среди будущих поколений. Однако моей первой реакцией было проявление большой осторожности в связи с любыми документами, приписанными определенной исторической личности после последнего Приказа по армии, написанного лично Государем в момент отречения. Несомненно, этот документ подлинный. Более того, я знаю, что он был написан его автором лично, а не кем-нибудь, кто мог бы представить документ за его подписью. В то же время, природа сил, которые сместили его, такова, что я бы подверг сомнению любую информацию, исходящую от такого источника. На самом деле я верю, что это самые нечистые силы, самые злобные и очень близкие тому злу, которое когда-либо разлагало землю. Ты абсолютно прав, что придаешь такое огромное значение текущей работе. Несомненно, она имеет первостепенную важность. Доказательство этой природы чрезвычайно важно.

Шлю тебе и госпоже Гребенщиковой самые добрые пожелания.

Твой, весьма искренне, И. И. Сикорский

7. Гребенщиков — Сикорскому

18 ноября 1953

Дорогой Игорь Иванович,

Искренно благодарю тебя за хорошие советы, с нетерпением жду письма по поводу «Исповеди Государя»¹. Я выписал все оставшиеся на складе у Собо² книжки, их было всего четыре, и я не хочу, чтобы они попали в другие руки, я буду пользоваться этот материал для восьмого тома. Посланную тебе книжку можешь у себя задержать, а все, что ты посоветуешь по поводу ее текста, с благодарностью приму к руководству. Я хочу теперь достать книгу Мельгунова о Государе³ *после отречения*, это более надежный, более документальный материал. Кажется, два тома недавно вышли в Париже, стоит 7 долларов. Затем хотел бы порыться в библиотеке Конгресса, нет ли там подлинника «Абалакских ведомостей»⁴, в которых напечатан подлинник Государева рукописания. Меня интересует, был ли такой материал в руках Мельгунова, ведь это *потрясающий* документ, где Государь признает Временное правительство от всего сердца и отдает себя в распоряжение народа. Если ты помнишь, я уже упомянул об этом в седьмом томе, где дочери исправника читают манифесты Государя и Михаила Александровича⁵ на митинге возле уездного управления.

Меня все это волнует до болезни сердца, дал бы Бог мне все это выполнить достойно. Как надругался *русский народ* над своим арестованным и безоружным, но верившим до последней минуты в милосердие своего народа Царем-мучеником. Его несомненная слабость продиктована именно христианским поведением *кротких* и *милостивых*, которые, однако, сами оказались *не помилованы*. Страшное поведение всего мира, ныне *по заслугам* падающего в пропасть за свое гнусное грехопадение. Вот эту агонию «*Пляски во Пламени*» мне и хотелось бы выявить с возможной яркостью. Это, конечно, никому не выправит мозгов, но мне самому это нужно.

Я в молодости видел пророческий сон. Мне было не больше 18 лет, когда во сне я вижу Государя в белом кителе, стоящим на крылечке небольшого дома, где-то в Шемонаихе, в Сибири, а рядом Государыня и маленькие дети, я иду к ним. Государь ждет меня на крылечке, а ход к нему извилисто загорожен как бы железными перилами, но я вижу, путь к нему меня доведет, потому что я уже знаю секрет пройти — извилистыми зигзагами, как это бывает в шарадах для детских карандашных упражнений.

Извини, тут я поставлю точку.

Весь твой Г. Гребенщиков

Публикуется по АМ, приписка — автограф, 1 л. — ГМИЛИКА. На бланке «Dixie Press. 213 E. McDonald Street, Lakeland, Florida».

1. Имеется в виду «Исповедь бывшего царя», см. прим. 3 к письму 5.
2. Сабо — хозяин книжного склада в Нью-Йорке. Сведений нет.
3. Мельгунов Сергей. Судьба императора Николая II после отречения. Окаянные дни. Историко-критические очерки. Париж, 1951.
4. Повсей видимости, имеются в виду «Тобольские губернские ведомости». Газета выходила с 1857 по 1918. Маловероятно существование газеты с названием «Абалакские ведомости». В то время Абалак — это небольшое село, в 30 км от Тобольска; получило известность вследствие обретения Абалакской иконы Божьей Матери.
5. Романов, Михаил Александрович, Великий князь (1878–1918) — военачальник, член Государственного совета Российской Империи; младший брат императора Николая II, отрекшегося от престола в его пользу после Февральской революции 1917. Из Гатчины был сослан в Пермскую область и летом 1918 убит сотрудниками ГПУ.

8. Гребенщиков — Сикорскому

25 ноября 1953

Дорогой Игорь Иванович,

Твое посещение Чураевки ценю выше архиерейского и тронут в самое сердце твоим заботливым вниманием к пруду. Все будет поручено Саше Сосику¹, это замечательно преданный нам и честнейший молодой человек, который, несмотря на то что работает

всю неделю на твоём заводе, уделяет нам свой труд по субботам и даже воскресеньям. Я ему немедленно пишу о том, чтобы эту самую трубу для стока воды он установил.

Меня удивило, что до 23 ноября, когда ты написал свое письмо, «Исповедь Государя» еще тобой не получена. Она послана около недели тому назад и *должна* быть в твоих руках. Хорошо, что я имею еще экземпляр, а на складе осталось только два, и я их тоже выписываю. Я нахожу, что это *потрясающий* документ, который как-то прошел не отмеченным нигде, насколько я могу судить.

После того как я его прочел, я немедленно заказал книгу Мельгунова: «Император Николай Второй после отречения», которую только что получил, и в длиннейшей библиографии его источников *нет ни слова об исповеди Государя*. Может быть, в тексте я где-то и найду, но в описании последнего пребывания Государя в Могилеве *ничего нет о том*, что пишет сам Государь, бывший там *вместе с матерью Марией Фёдоровной² попроситься с армией*. Ты увидишь, что первоисточник «Исповеди» надо искать в «Абалакских ведомостях» в Сибири, но перевод его был напечатан в Америке в одной из газет. Мне до смерти нужно это поискать в библиотеке Конгресса, но это надо туда самому ехать.

Во всяком случае, когда прочитаешь «Исповедь», *прошу* тебя снести с Великой княжной Ольгой Александровной³. Напомни ей, что она написала для нашей часовни икону преподобного Сергия еще в Дании и что мне нужно от нее все, что я могу узнать о семейной жизни Государя, особенно об отношении Великих князей и всего Царственного Дома к царице Александре Фёдоровне⁴. Так как в «Исповеди» Государь нехорошо отзывался о Великих князьях, может быть, пока лучше Ольге Александровне об этом не писать, но это ты сам увидишь, что ей писать. Главное — я надеюсь, книжка у тебя есть.

*С искренней любовью и благодарностью.
Твой Георгий Гребенщиков*

Публикуется по АМ, приписка — автограф, 1 л. — ГМИЛИКА. На бланке «Dixie Press. 213 E. McDonald Street, Lakeland, Florida».

1. Сосик, Александр — ученик Г.Д. Гребенщикова в Южном колледже Флориды, эмигрант «второй волны». Впоследствии жил в русской деревне Чураевке

(Southbury), штат Коннектикут; работал на заводах Корпорации Сикорского; занимался в деревне хозяйственными вопросами по просьбе Гребенщикова.

2. Романова, Мария Фёдоровна (1847–1928) — российская императрица; супруга императора Александра III, мать императора Николая II.

3. Романова, Ольга Александровна, Великая княжна (1882–1960) — дочь российского императора Александра III; художница. На момент смерти оставалась последней Великой княжной Дома Романовых. Поддерживала переписку с Гребенщиковым. Написала икону святого Сергия Радонежского для часовни в Чураевке.

4. Романова, Александра Фёдоровна (урожденная Шарлотта Прусская, 1798–1960) — российская императрица; супруга императора Николая I, мать императора Александра II.

9. Сикорский — Гребенщикову

26 ноября 1953

Дорогой Георгий Дмитриевич,

Я внимательно прочитал «Исповедь бывшего Царя». Я убежден, что книга является подлогом и что она, по всей вероятности, была написана в Нью-Йорке. Некоторые сведения являются правдоподобными и, казалось бы, рисуют привлекательные черты Государя. Но очень многое является злобной клеветой и ложью, которая была так типична для смутного и темного времени 17-18 годов. То, что является верным и правдоподобным, могло быть легко позаимствовано из русской печати, которая была сравнительно свободна до октябрьского переворота. Книга, однако, включает много типично злой клеветы левореволюционного происхождения, я убежден поэтому, что покойный Государь не был ее автором. Возможно, что автор гнусного предисловия, тоже очень типичного для 17-18 годов, или кто-нибудь в этом роде, мог бы подготовить такой материал для «New York American»¹. А газета эта, особенно в те годы, была грубо враждебной Царской России и, не колеблясь, печатала клеветнический материал, лживость которого могла быть легко установлена при желании.

Из множества текстов и мест, приведших меня к определенному заключению, я укажу на следующее. На стр. 6 вверху: «В течение трех месяцев обманывали меня специально отпечатанными

номерами 25-ти русских газет с извращениями, конечно, и ложными известиями».

История эта повторялась на все лады революционерами до и после революции. Я лично справился у совершенно надежного и хорошо осведомленного лица, который разъяснил, что это сплошная ложь. Во дворце действительно печаталась сокращенная сводка сведений из газет, однако, кроме того, получались и обыкновенно полные газеты, и Государь регулярно читал «Новое время»².

Читаем дальше: «Мои глаза окончательно раскрылись, когда я обратился к помощи иностранных газет. Из них я узнал такие новости о положении дел в России, от которых я пришел в ужас».

Такую фразу Государь никогда не писал — это клеветнический вымысел. Среди людей, окружавших Государя, бывали плохие люди, но бывали и хорошо осведомленные и глубоко достойные и честные — Великий князь Николай Николаевич³, Великий князь Константин⁴ (К. Р.), мученик министр Столыпин⁵. Можно ли подумать, что эти люди, и другие, меньшие, столь же достойные, обманывали своего Государя лживыми сказками, так что за правдивыми сведениями о России ему пришлось обращаться в «New York Journal» или «Times»?

Столыпин сказал когда-то по адресу российских революционеров: «Вам нужны великие потрясения; нам нужна великая Россия». После покушения на его жизнь, когда на даче его была брошена огромной силы бомба, убившая несколько человек и тяжело ранившая двоих из его детей, Столыпин завещал, чтобы его похоронили в том городе, где его убьют. Когда через несколько лет его убили в Киеве, его воля была выполнена, и он был похоронен в Киевской Лавре возле могил Кочубея и Искры⁶. Столыпин был богат. Он мог после первого покушения уехать с семьей за границу и жить в покое и комфорте. Оставаясь на службе Царю и России, он знал, что в любой момент не только он сам, но и семья его могут быть разорванными бомбой. Столыпин остался служить Государю и родине, и, конечно, невозможно допустить, что он обманывал своего Государя во имя каких-то непонятных целей.

Такой же недобросовестной выдумкой является фраза: «Я их не обвиняю. Они меня знали только через моих министров,

а мои министры никогда не представляли меня в истинном свете». — Ничего подобного Государь никогда не мог сказать.

Действительность в этих вопросах можно изложить следующим образом. Тот, кто добросовестно интересовался, мог в России получить достаточно верных сведений о Государе и его семье и мог легко выделить это от гнусной клеветы, которая так обильно печаталась в русском подполье и за границей всякой революционной дрянью.

Еще более важно следующее. Государь и многие из его советников и любили, и знали Россию неизмеримо лучше, чем все Милюковы, Гучковы, Керенские⁷ и прочие вместе взятые. В старое время, особенно в последние годы перед революцией, в России была очень популярна одна сатанински подлая и зловредная, хотя, казалось бы, и исключительно глупая идея. Идея эта проходит красной чертой через всю «Исповедь последнего Царя». Идея эта заключалась в следующем. Придворные и министры обманывают Царя и держат от него в секрете что-то очень важное. Если бы как-нибудь Царю сказать это очень важное и если бы он послушался, то все было бы хорошо и никакой революции не было бы. Если бы спросить одного из тысяч и, может быть, миллионов этих хорошо осведомленных прогрессистов, либералов и т. д., что же это такое важное, то ответ получился бы вроде того, что написано в первых строчках «Исповеди».

Положение все могло быть улажено принятием некоторых мер, о которых Царь сам не знал, а окружавшие его придворные, Великие князья, министры и т. д. держали от него в секрете, боясь потерять свои богатства и привилегии. Меры эти, однако, были хорошо известны всякому либерально-прогрессивному интеллигенту, студенту и даже сознательному рабочему. Они состояли в том, чтобы избрать Думу или, еще лучше, Учредительное собрание на основании всеобщего, прямого, равного и тайного <голосования>. Такое собрание, а по мнению некоторых оптимистов, даже и та Государственная Дума, которая уже существовала, назначило бы из действительно лучших людей ответственное министерство, заслуживающее народного доверия, которое вывело бы страну, с Царем или без Царя — это неважно, на путь либерально-прогрессивных реформ и всякого демократического благоденствия.

Страшная действительность в этом всем заключалась в следующем. Обманутыми и слепыми, не разглядевшими той правды, которую нужно было, чтобы спасти родину, пока это было возможно, оказались именно те, кто самоуверенно считал себя просвещенным, прогрессивным, сознательным и т. д. Их дьявол одурачил и водил за нос, вероятно, в более прямом смысле, чем это принято думать, и привел к гибели.

Что же касается до Государя и лучших из его слуг, они прекрасно знали правду и понимали положение неизмеримо лучше и глубже, чем так называемые либеральные, прогрессивные, думские и им подобные группы. Я не помню дословно, но хорошо помню смысл одного из заявлений Столыпина по этому поводу. Он сказал приблизительно так: если власть будет передана правительству, назначенному Государственной Думой, то через полгода она попадет в руки Совета рабочих депутатов, в результате чего получится кошмар и ужас.

Знал и Государь это все. Знал, что он был в опасности, но, как верный воин и часовой, остался до конца. Несомненно, что он мог спасти жизнь свою и семьи, поставивши условием отречения свободный и обеспеченный выезд за границу. В начале революции это можно было сделать легко и безопасно. Можно было перевезти Государя с семьей в Швецию на «Илье Муромце»⁸. Государю был сделан ряд других предложений — выехать тайно за границу. Государь отказался от этих предложений, считая, что это будет несогласно с его достоинством, что это было бы актом недоверия Временному правительству и Русскому народу, который он призвал подчиняться и поддерживать это правительство.

Я считаю совершенно достоверными сведения о том, что еще в 1916 году, когда уже чувствовалась надвигавшаяся революция, когда Государь и знал, и чувствовал, что его окружает измена, он имел предложения от немцев спасти и жизнь, и трон путем сепаратного мира с Германией. Государь отказался, считая, что это будет изменой союзникам и бесчестьем для России. Он остался верен и союзникам, и России. Его предали и те, и другие.

Страшные и проклятые дни марта 1917 года запечатлены в четырех документах. В первых двух отразились высшие формы достоинства, блага, чести, которые вообще доступны человеку на земле.

Документы эти — акт об отречении от престола (как хорошо, что ты привел его в «Чураевых» и как превосходна сцена, где девушка читает его) и последний прощальный приказ по армии от 21 марта 1917 года (в книге Н. Соколова «Убийство царской семьи»⁹).

В посланиях этих глубокая правда — и фактическая, и нравственная. Полное отсутствие озлобления за обиды, оскорбления, измену. Глубокое смирение. Забота о России, о ее армии, о ее народе.

Трагически страшный контраст представляют два других документа, появившихся почти в это самое время. В них отразилась сатанинская злоба и ложь, и показалось гнусное, смрадное, кровавое рыло надвигавшейся красной революции. Одним из этих документов было первое обращение Временного правительства, начинавшееся приблизительно так: «Царская власть довела страну до полного развала и народ — до голода. Народ поднялся и взял власть в свои руки». В точности второй фразы не уверен. Первая передана, я думаю, довольно верно. Приказ этот развалил армию, вызвал дезертирство, массовые избиения офицеров и был первым крупным шагом к водворению большевизма в стране.

Извини за беспорядочное изложение мыслей. Я написал о моих впечатлениях относительно трех-четырёх страниц книги. Я нашел еще свыше 10 мест, которые, по моему убеждению, не могли быть написаны Государем. Очень много мест, по-моему, совершенно неверно рисуют Государя, неизмеримо ниже и хуже, чем он был на самом деле. Я считаю поэтому и по глубокому внутреннему чувству, что книга поддельная, написанная сторонником революции с целью оправдать революцию. Многие сцены представляют скверный и подчас глупый вымысел. Ссылка на доход в 8000 рублей в год есть грубая насмешка. У Государя были громадные личные средства и многомиллионное состояние в английском банке. Он мог выехать и жить в богатстве и роскоши, ничего не делая. Он остался на тяжком посту по чувству долга. Он прекрасно знал положение, знал про подпольную злобу, клевету и всякую крамолу и тяготился и страдал от этого. Но считал, что должен остаться до конца.

Когда-то в Крыму он пожелал испробовать солдатское обмундирование. Государь оделся в солдатскую форму с шинелью и прошел не то 8, не то 16 верст. В солдатскую книжечку он за-

писал: имя — Николай, фамилия — Романов, и т. д. В книжечке была графа, в которой говорилось о правах. Это был пережиток старины, уже не имевший в наше время особого значения. Государь написал: «Прав никаких, до гробовой доски».

На стр. 60, 10-я строчка сверху, читаем: «...все медали и побрякушки, которые так долго украшали мою грудь». Ордена нередко жаловались самим Государем и представляли достойную награду, главным образом, за опасные боевые подвиги для родины. Не может быть речи о том, чтобы Государь назвал их «побрякушками». И стр. 32: «Постепенно Александра Фёдоровна...¹⁰ стала врагом всего русского народа». Эта фраза — сплошная ложь, которую Государь никогда не мог написать.

Книжка заключает некоторое количество сведений, которые рисуют Государя хорошо и могут быть правдоподобными и в некоторых случаях исторически верными. По моему мнению, это было записано неизвестным автором с целью придать книге вид правдоподобности. В то время, однако, и в печати, и в разных брошюрах можно было легко найти материал, чтобы составить такой дневник с некоторыми верными датами, правильными местами встреч и т. д. Я все же считаю, что книга есть подделка и что ее назначением являлось дискредитировать царское правительство, царскую семью и полностью оправдать революцию.

Искренне желаю тебе и Татьяне Денисовне всего наилучшего. Продолжай «Чураевых»¹¹ во что бы то ни стало. Твоя работа представляет грандиозную, величайшую ценность.

Лиля и мальчики¹² передают поклон и наилучшие пожелания.

Твой И. Сикорский

Публикуется по автографу, 25 л. — ГМИЛИКА.

1. В оригинале фраза дана на английском языке: could well have prepared such material for «The NY American». Ниже по тексту упомянуты американские журналы «New York Journal» и «Times», выходившие в Нью-Йорке.

2. Российская газета «Новое время» выходила по 1917 в Петрограде, издатель — Товарищество А. С. Суворина (1912–1917).

3. Романов, Николай Николаевич, Великий князь (1856–1929) — внук императора Николая I; военачальник, Верховный Главнокомандующий сухопутными и морскими силами Российской империи в начале Первой мировой войны (1914–1915).

4. Романов, Константин Константинович, Великий князь (1858–1915) — внук императора Николая I; военачальник, поэт, переводчик, драматург; известен под псевдонимом «К. Р.»; генерал-инспектор Военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

5. Столыпин, Пётр Аркадьевич (1862–1911) — выдающийся государственный деятель Российской империи; член Государственного совета, министр внутренних дел и председатель Совета министров (1906–1911). Известен как реформатор, осуществлявший «столыпинскую» аграрную реформу.

6. Народные герои Кочубей и Искра похоронены у северной стены Трапезной церкви в Киево-Печерской лавре. Кочубей Василий Леонтьевич (1640–1708) — генеральный писарь и судья Войска Запорожского; выступил в оппозиции гетману Мазепе. Искра Иван Иванович (умер 1708) — полтавский полковник Войска Запорожского, представитель казацкого рода Искра, противник гетмана Мазепы.

7. Милюковы, Гучковы, Керенские — собирательные имена российских государственных и политических деятелей. Милюков, Павел Николаевич (1859–1943) — лидер партии кадетов, министр иностранных дел Временного правительства (1917), историк и публицист; в эмиграции — во Франции; редактор парижской газеты «Последние новости» (1921–1940). Гучков, Александр Иванович (1862–1936) — лидер Либеральной республиканской партии России (1917), военный и временно морской министр Временного правительства; будучи с 1919 во Франции, активно участвовал в борьбе белых армий (Деникин, Юденич, Врангель), представлял элиту антибольшевистской эмиграции. Керенский, Александр Фёдорович (1881–1970) — российский политический и государственный деятель, министр-председатель Временного правительства (1917); с 1918 жил в эмиграции во Франции, издавал публицистический журнал «Новая Россия», с 1946 — в Нью-Йорке.

8. Четырехмоторный самолет С-22 «Илья Муромец» начал выпускаться в 1914 в Российской империи на Русско-Балтийском вагонном заводе (до 1919), главный конструктор — И.И. Сикорский.

9. Соколов, Николай Алексеевич (1882–1924) — следователь по особо важным делам Омского окружного суда, расследовавший дело об убийстве царской семьи. Книга «Убийство Царской Семьи. Из записок судебного следователя Н.А. Соколова» была опубликована уже после смерти Соколова в 1925 году и, по мнению некоторых исследователей, имеет признаки редактирования посторонними лицами. Однако часть материалов следствия была опубликована Соколовым еще в 1924 году на французском языке: Nicolas Sokoloff. Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe. Paris, 1924.

10. Романова, Александра Фёдоровна (урожденная Гессен-Дармштадтская, 1872-1918) — супруга русского императора Николая II.

11. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» (1922–1952) задуман как многотомная эпопея о «русской жизни». Из 12 томов вышло 7, в типографских гранках — 8-й, остальные в виде отдельных очерков публиковались в периодической печати в Америке.

12. Имеются в виду сыновья Сикорских. На тот момент (и по сей день) из четверых сыновей оставалось в живых трое: Сергей (род. 1925), продолжил дело отца, возглавлял после него «Корпорацию Сикорского»; Николай (род. 1926), музыкант; Игорь (род. 1929), юрист. Четвертый ребенок Георгий, родившийся в 1931, умер в подростковом возрасте.

10. Сикорский — Гребенщикову

27 ноября 1953

Дорогой доктор Гребенщиков,

В приложении к данному письму ты найдешь мои заметки в виде письма на русском языке на тему, упомянутую в твоём письме несколько дней назад. Пожалуйста, прими мои извинения за некоторые выражения, использованные по вполне понятным тебе причинам.

Также позволю себе переслать тебе отдельным письмом с объявленной ценностью копию книги П. Жильяра¹ и одну книгу Н. Соколова². Я уверен, что обе эти вещи можно считать надёжными источниками. Это мои единственные экземпляры, поэтому я бы просил тебя держать их у себя столько, сколько нужно, а в нужное время по возможности их вернуть.

Пожалуйста, разреши мне еще раз повторить, что, по моему мнению, твоя работа имеет огромное значение. Сложно переоценить, какова будет ее ценность через 50, 100 или более лет. Убежден, что она намного превзойдет «Войну и мир»³ и, в сущности, останется уникальной. Следовательно, не жалея ни времени, ни сил и т. д. на это важное дело.

Шлю тебе и госпоже Гребенщиковой самые добрые пожелания.

Твой, весьма искренне,

И. И. Сикорский

Публикуется по машинописи, отпуск, 1 л. — ГМИЛИКА.

1. Жильяр (Жийяр), Пьер (1879–1962) — преподаватель французского языка, родился в Швейцарии. В сентябре 1905 ему было предложено учить французско-му детей Николая II. С 1913 являлся наставником Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. После свержения Николая II сопровождал его семью в ссылку в Тобольск, но по прибытии в Екатеринбург был отделен от царской семьи. После убийства царской семьи остался в Сибири, где помогал следователю Соколову. В 1920 Жильяр вернулся в Швейцарию с Дальнего Востока России. Начал преподавать французский язык в университете города Лозанна. В 1921 опубликовал книгу «Тринадцать лет при русском дворе: Трагическая судьба Николая II и его семьи» (фр.: *Treize années à la cour de Russie (Péterhof, septembre 1905 — Ekaterinbourg, mai 1918): Le tragique destin de Nicolas II et de sa famille*, 1921), которая имела около десяти переизданий. В России вышло три репринта венского издания 1921 под названием «Император Николай II и его семья».

2. См. прим. 9 к письму 9.

3. Имеется в виду эпохальный роман Л.Н. Толстого «Война и мир» об Отечественной войне 1812 года.

11. Гребенщиков — Сикорскому

16 декабря 1953

Дорогой Игорь Иванович,

От всего сердца благодарю тебя за твое большое русское письмо, в котором ты совершенно правильно указываешь на возможную подделку и, во всяком случае, искажения в «Исповеди Государя», но для меня несомненно, что Исповедь такая существовала уже в начале 1918 г., и некоторые факты уже невозможно было кому-либо знать лучше Государя. Заметь, это *второе* издание в Америке в 1918 г. Мерзавцы левые здесь даже не могли всего подделать, так как письма Императрицы и самое обследование документов Царской семьи еще не были опубликованы. А теперь, когда мы читаем письма Александры Фёдоровны, мы видим массу совпадений с «Исповедью». Но для меня эта «Исповедь» только подтверждает благородную веру Государя в его народ, и даже его признание революции и отказ от всех привилегий и глубокое смирение и *вочеловечение* его души в ряды смертных со всеми

слабостями, присущими нам, полуварварам. Великолепно Жильяр охарактеризовал веру Государыни в Распутина¹ как представителя народа, и здесь неверно, что она Русский народ не любила.

Но для меня вся эта история настолько тяжела, что я все еще не могу спать и все время сомневаюсь, что я смогу поднять ее как полный сюжет. Нужна великая духовная сила и *знание среды*, чтобы сметь свое суждение иметь в этой страшной трагедии не только Государя и его семьи, но и всего русского народа, который и в верхах, и в низах оказался *в массе* преподлейшим. Из-за этой «Исповеди» я задержу восьмой том до бесконечности, пока не почувую, что у меня есть какое-то право и *обязанность* сказать *по-своему* слово об этом нашем всеобщем падении в пропасть. Но самое страшное, что и это наше преступление ничему нас не научило и настоящей исповеди не вызвало в наших мохнатых сердцах. Есть единицы, но их никто не слушает, и все они уже побиты камнями. Я даже не могу тебе сказать, каким несчастным и беспомощным я себя считаю не за себя, а *за все и за всех*. Прости меня великодушно. Я глубоко страдаю от одного прикосновения мыслью к этой Чаше, которую испили Государь и Государыня и их невинные дети.

Жильяр у меня есть. Я тебе его верну. А Соколова мы переплели, и я задержу его.

Публикуется по машинописи, отпуск, 1 л. — ГМИЛИКА.

Распутин, Григорий Ефимович (1869–1916) — крестьянин села Покровского Тобольской губернии. Приобрел известность как друг семьи российского императора Николая II. Оказывал влияние на государственную политику.

12. Сикорский — Гребенщикову

31 декабря 1953

Дорогой доктор Гребенщиков,

С искренней благодарностью подтверждаю получение твоего последнего любезного письма. Я согласен, что «Исповедь» содержит сведения, которые можно считать достоверными. Я не сомневался в том, что ты, обладая тактом, признаешь это.

Мне представляется правдивым твое мнение о том, что можно доверять чувству долга Государя по отношению к России и русскому народу. Я хорошо знаю, что Государь сознавал опасность, грозившую ему и его семье, и что он получал много предложений о помощи в отъезде за границу, пока была такая возможность. Последний Император отверг эти планы — он считал, что их осуществление будет недружественным поступком и проявлением недоверия к русскому народу и его революционному правительству. Без сомнения, он был героически лоялен и полон доверия к России и к ее народу.

Через моего хорошего знакомого я сделал несколько попыток определить местонахождение оригинала «Исповеди», по которому она была опубликована в «New York American», или, по крайней мере, установить источник их информации. Если это может быть сделано, знакомый, которого я просил, это сделает.

Благодарю тебя также за очень интересную статью о последней книге князя Ильина¹. Я как можно скорее попытаюсь достать книгу.

Елизавета перенесла серьезную операцию и провела несколько дней, включая Рождественские праздники, в больнице. К счастью, в прошлое воскресенье она вернулась домой, и мы надеемся, она скоро выздоровеет.

Шлю тебе и госпоже Гребенщиковой мои наилучшие пожелания радостного и мирного Нового года.

Искренне твой, И. И. Сикорский

Публикуется по АМ, 1 л. — ГМИЛИКА. На бланке «Sikorsky Aircraft. Bridgeport, Connecticut». Перевод с английского языка.

1. Сикорский, говоря о «последней книге князя Ильина», вероятно, имеет в виду «Аксиомы религиозного опыта» (1953) в 2 томах. Ильин Иван Александрович (1883–1954) — русский философ, писатель и публицист; идеолог Русского Общевоинского союза; сторонник Белого движения, критик большевизма и коммунизма. Происходил из русского дворянского рода. С 1922 — жил в эмиграции в Германии и Швейцарии. В эмигрантской генеалогии фигурирует также «князь» Ильин, сын Ивана Максимовича Ильина. Сведения об этой семье отсутствуют.

Публикация и примечания Владимира Росова